

Дети адмирала Шульгина

(интервью с представителями теневой российской психофармакологии)

Опубликовано 14 Февраль 2015

Внимание! Нижеследующий текст **НЕ** направлен на формирование у читателя положительного отношения к наркотическим средствам, психотропным веществам или их прекурсорам, а также растениям, содержащим наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Текст носит сугубо информационный характер и **НЕ** призывает к покупке, продаже, изготовлению и распространению вышеперечисленного.

1. Расскажите о себе: чем вы занимаетесь, как пришли к этому, какая цель?

Dr. Caligari: Ну, то питерское отделение фармдеграунда, к которому мы принадлежим, – это все, что осталось от вольной тусовки «Орк-тех», возникшей несколько лет назад на базе МИТХТ (Московский государственный университет тонких химических технологий имени М. В. Ломоносова). Сейчас тусовка, насчитывавшая порядка двадцати человек, распалась, и большинство ее участников оставили теневую фармакологию в пользу, например, аналитической работы в институте микробиологии РАН.

Почему именно название «Орк-тех»? Из-за методов работы, прежде всего: приходилось осуществлять процессы восстановления под высоким давлением в бутылках шампанского, ледяная рубашка этиленгликоля заменялась человеком, высовывающимся из окна первого этажа и засовывающем колбу в снег, потом мы шли в местный шавермариум, где ставили эту колбу чуть ли не на прилавок...

На данный момент в «Орк-техе» нас осталось двое. Мой помощник – биохимик, заканчивал кафедру общей химии, олимпиадник, красавец-отличник и все такое. История у каждого, конечно, своя, но думаю, пока стоит ограничиться моей.

Лично я заканчивал институт по специальности «технология лекарственных средств», поступил в аспирантуру в ГИПХ на токсикологию. К слову, член РХО (Российское химическое общество). Около четырех месяцев работал в лаборатории над созданием новых типов лекарственных препаратов: в поле моего зрения находились и экспериментальные противораковые лекарства, и ноотропы, и антидепрессанты, и многое другое.

Расскажу про противораковые: за то время, что я работал там, было получено два полуактивных соединения, которые на каких-то образцах ткани работали, а на каких-то нет. Смысл заключался в доставке кальция в раковые клетки, в результате чего клеточная мембрана приобретает твердый вид, а потом вырезается. У раковых больных часто бывает гиперкальциемия, то есть большое количество кальция в крови. При чрезмерном кальции в клетке может быть апоптоз или некроз. При некрозе разрушается клеточная мембрана и выпускает содержимое клетки, что в ней осталось, в межклеточное пространство. Регулировка опухолей при помощи кальция – довольно популярная идея, однако в основном, конечно, все делают ровно наоборот: закрывают ионные каналы, чтобы тот в клетку не проникал, – когда его мало, – а увеличивают (немного) объемы кальция в т-лимфоцитах и прочих, убивающих раковые клетки. По иронии судьбы, получается так, что раковые клетки в силу деления потребляют больше кальция, и гиперкальциемия им в целом на руку. При этом у них обнаружены механизмы регуляции числа каналов и пропускной способности, чтобы не переборщить.

В общем, достаточно неоднозначное вещество, про которое не было бы смысла упоминать, если бы не эпизод его употребления человеком. Одна моя знакомая, у которой обнаружилась опухоль на третьей стадии, фактически выкрала образец вещества из института. Поскольку у нас на тот момент были крайне слабые представления о летальной дозировке, я успел мысленно похоронить и ее и себя, ибо мне могло прийти отвечать. Однако через какое-то время я узнал, что она пошла на поправку. А ведь могло и не повезти.

Параллельно у меня была своя фирма по аналитике и производству сialisа, в просторечии – виагры, хотя это и разные препараты с разными активными веществами. В какой-то момент у меня произошел случайный, по большому счету, конфликт с полицией в духе «дверь мне запили, блядь», в результате чего некоторые из анализируемых веществ просто признали взрывчаткой. Речь шла в первую очередь о диперекиси ацетона, выделенной из образца свечного гелия – иницирующем взрывчатом веществе, которое хотя и не применяется в военных целях в силу нестабильности и летучести, довольно популярно у террористов всех мастей. Также фигурировал металлический магний. Плюс у меня в фирме работала девочка-лесбиянка, участвовавшая в протестных акциях 2011–2012 гг.

В итоге за 50 мг плохо взрывающегося соединения я получил три года условки по ст. 223 УК РФ и был выкинут из аспирантуры на мороз. Работу с такой историей, как выяснилось, оказалось найти сложным не только по профессии: не брали даже в условный «макдак». Чтобы не умереть с голоду, волей-неволей пришлось изобретать довольно изощренные схемы заработка. Я, наверное, не буду вдаваться в подробности: скорее всего, вы и так все поняли. Последние месяцы мы с коллегой занимаемся реорганизацией фирмы: получили пару «белых» заказов на промышленные моющие средства, зимние присадки в солярку и даже электролиз...

Конкретно психофармакологией я заинтересовался достаточно давно, однако первостепенным направлением исследований это никогда не было – так, чисто личные интересы на грани психиатрии, нейрофизиологии и химии. И вдохновили меня на синтез психоактивных препаратов даже не книги Шульгина, а «Нейропсихиатрия» Доброхотовой – фактически первая в России монография, посвященная психиатрическому изучению нейрохирургической патологии. ЕМНИП, Доброхотова же занималась левшами, левшизмом, билатеральной асимметрией и т. д.

2. История вашего проекта: первые группы, блокировки, почему вы не боитесь открывать лица, какие советы по интернет-безопасности вы бы дали тем, кто хотел бы с вами контактировать?

Dr. Caligari: За последние годы накопилось достаточно интересных кейсов, если угодно – лайфхаков, в области производства и потребления психоактивных веществ, которые спонтанно захотелось выбросить в публичный доступ, и не куда-то в торовые сети, а на расстояние пары кликов от любого начинающего психонавта в России. Так появилась небольшая группа «В контакте», куда мы стали выкладывать свои подкасты, формулы, полусгнившую литературу из заброшенных некогда секретных объектов, которую оцифровывали на коленке, и т. д. Цель была сугубо просветительской: донести до масс и как-либо опубликовать действительно интересные разработки и объяснить доходчиво людям фармакологию классических препаратов. Этим важно заниматься, потому что официальные СМИ чаще всего несут полный бред, а нам бы хотелось, чтобы в обществе существовало адекватное мнение по поводу даже классических наркотических препаратов, а не сплошная хемофобия в духе «обколются своей марихуаной».

Мы сняли и выложили в контакт первое видео, без рекламы и какой-либо раскрутки очень быстро набрали около 100 первых зрителей. Поскольку в тот момент работы у нас практически не было, за пару недель мы успели осветить таким образом большую часть своих старых наработок, которые не жалко было «выкинуть в сеть», и тем самым сформировали практически весь первый сезон. Закрыли группу, скорее всего, исключительно из-за рассказов о чудодейственных свойствах лоперамида, совпавших с парой случаев нецелевого и неосторожного применения этой фарм. смеси школотой: о чем-то таком в тот период говорили в каких-то региональных новостях, но ничего вразумительного администрация контакта нам так и не сообщила, да мы и не были особо расположены к переписке. После этого мы создавали группы еще несколько раз – по достижении трехсот подписчиков их снова блокировали, и сейчас эта движуха находится в полуподвешенном состоянии.

Вам интересно, почему мы не прячем лиц. Слышали ли вы историю о Неуловимом Джо?.. На самом деле были, конечно, идеи снимать сие в маске Гая Фокса и бумажном пакете, но все-таки мы не только алкаши и наркоманы, но и бывшие научные сотрудники, а

занятие наукой, как говаривал один мой знакомый, это как гомосексуализм – один раз и на всю жизнь. К тому же по многим причинам нам довольно сложно инкриминировать что-то страшнее пропаганды, а если задаться целью, подкинуть вещества на карман и посадить можно кого угодно безо всяких шпионских заморочек... Только звездочку на погоны за нас не дадут, потому что для этого нужно накрыть большую лабораторию, которая варит с целью продажи, и конфисковать определенный объем товара, который у нас, как бы этого кому-нибудь не хотелось, не появится физически.

Недавно через моего бывшего научника, который сбежал из страны после варварского разгрома ГИПХ городской администрацией (об этом – чуть позже), нам удалось официально зарегистрировать свой институт. Правда – в одной из банановых стран, юридический адрес – это бунгало, стоящее метрах в пятидесяти от воды, мне присылали фото, там даже электричество от генератора. Называется эта структура «Independent PsychoPharmacology Research Institute» (IPPRI). Со временем будет сайт, там и официальная обратная связь, пока же все желающие могут писать через Контакт, простенькую почту на GMail... в конце концов, для самых активных любителей паранойи есть сервис privnote.com. Теоретически институт нужен для упрощения некоторых публикаций в будущем, участия в грантовых проектах и т. д., на практике – может облегчать приобретение некоторых прекурсоров и оборудования, но как оказалось, – не в наших широтах. Так, в России, будь ты хоть трижды научный сотрудник, у тебя могут возникнуть проблемы с покупкой не то что какого-нибудь осушителя типа перхлората натрия, но и банального ацетона в количестве больше десятка литров: либо его никогда не окажется на складе, либо в какой-то момент к тебе постучат с целью профилактической беседы... При этом, если знать определенные места, что в сети, что в реале, любой школьник может приобрести практически любое вещество безо всяких регалий и удостоверений.

Первый заказ через институт пришел из Германии – там какие-то такие же экспериментировали с препаратами, которые в теории должны были помогать при радиационном заражении. Идея была такой: содержащийся в таблетке тетрафенилпорфирина – аналог природных порфиринов, имеющий некоторые важные свойства гемоглобина, хлорофилла – должен был захватывать тяжелые радиоактивные изотопы в центр клетки, образуя комплекс... Проблема возникла с приобретением бензальдегида для синтеза – даже со всеми документами, даже 5–10 мл, поскольку это вещество активно используется в производстве амфетамина за две реакции. В результате проще оказалось купить масло горького миндаля, на 99,95 % состоящее из бензальдегида, и выделить его с помощью гидролиза. Хохма состоит в том, что какой-нибудь фенилнитропропен, который еще более популярен для варки амфа всего за одну реакцию, вроде бы до сих пор можно купить почти в любой аптеке, и те, кто покупает незамещенный фенилнитропропен в большом объеме, почти наверняка делает это с вышеназванной целью.

Вообще все это, конечно, чудовищный треш: когда нет нужного реактива в магазине, то палладийорганическое восстановление через промежуточные комплексы превращается в перемешивание субстрата в серной кислоте с железной пылью. На практике это означает, что не приходится ждать месяцами посылки из-за границы, а достаточно зайти в правильный строительный магазин.

Вообще минимум химической посуды и доступность неочевидных прекурсоров учит человека делать вещества всюду: я помню, как еще в студенческую бытность обсуждал с товарищем за спиной проректора фармацевтической академии вопрос нейротоксичности циклидинов, сразу после пересчета стипендии на «камни». Причем перед этим товарищ, который едва-едва перестал быть оранжевой печенкой, минут пятнадцать ходил за ректором и, держась на расстоянии метра в четыре от него, постоянно взывал театральным шепотом «сука, дай попить, меня после тилетамина сушит пиздец». Ректор относился с пониманием, хотя воды не давал: по слухам, он оборудовал одну из лабораторий в академии на деньги, вырученные с продажи спидов в промышленных масштабах в 90-е, и это была история, на фоне которой этот ваш Уолтер Уайт никогда не выходил из амплуа скромного учителя химии. Тилетамин, если что, – вполне достойный

заменитель кетамина, продававшийся ранее в любой ветаптеке. Запретили его только в январе 2014.

3. Как вы оборудовали лабораторию, где взяли оборудование, посуду, реактивы?

Dr. Caligari: Собственная лаборатория оборудовалась очень долго. Первое время помогала моя работа в ГИПХе – еще до всей этой истории со взрывчаткой. История с ГИПХом – совершенно отдельная, это невосполнимая потеря для отечественной науки, а дата его разгрома со сносом корпусов весной 2012 – дата, после которой на химической технологии в РФ можно смело ставить крест. Немного упрощая – землю под институтом выкупил сын Матвиенко, до июня 2013 возглавлявший «ВТБ-Девелопмент». Сначала вуз оказался в зоне жесткого ограничения по высотности, потом появилось что-то про «опасное производство в черте города», при этом, несмотря на то что в итоге все признали, что земля там на 5 метров вглубь заражена, место было отдано под строительство элитного квартала...

Официально вуз перенесли в Капитолово, в корпуса, десятилетия зараставшие мхом и со сгнившей проводкой, однако на переезд не было выделено практически никаких денег, в результате чего пришлось бросить большую часть крупнотоннажного оборудования, типа больших лабораторных микроскопов, стоившего миллионы, а иногда и десятки миллионов (!) рублей. Оцените градус абсурда: под аккомпанемент официальных заявлений о том, что ГИПХ переносят под предлогом экологической опасности, пригнанные неизвестно кем и откуда абреки выбрасывают из окон вещества первой степени опасности, выпускают фреон из баллонов, сливают в Неву ракетное топливо, лекарства, токсины, бьют высокоточную оптику и т. д. Бардак был такой, что во время переезда нечаянно или намеренно была проебана картотека и все документы из первого отдела, в результате чего, несмотря на то что у меня технически до сих пор вторая форма допуска, никто, никогда и нигде об этом больше не вспоминал, в том числе при выезде за рубеж.

В любом случае, в результате всего этого нам все-таки удалось забрать для частных нужд часть оборудования и реактивов, которые по документам были утилизированы; некоторые из ГИПХовских вещей одно время продавались/покупались моими друзьями из числа админов паблика «Химик-Психопат».

Последнее ехидное наблюдение на эту тему: именно после разгрома ГИПХа и некоторых других ключевых вузов стали падать ракеты, что может быть связано с некоторыми проебанными особенностями пироавтоматики, свойств ракетного топлива... но это слишком сильное и труднодоказуемое наблюдение, а посему не будем углубляться в эту область.

Далее часть необходимого для собственной лаборатории докупалась, что-то бралось в очень старом, истерзанном состоянии и очень долго чинилось... В результате сейчас мы можем похвастаться наличием не только кварцевой посуды родом из Третьего Рейха и прочим раритетом (водоструйный медный насос с печатями Рейха годами стоял в ГИПХе и это никого не смущало), но и пусть и старым, но вполне рабочим растровым электронным микроскопом с РМА (рентгеновский микроанализ) и ЯМР (ядерный магнитный резонанс).

С реактивами отдельная песня – что-то базовое и странное также было забрано с лабораторий, где работали, остальное – докупалось или в буквальном смысле раскапывалось в заброшенных объектах при содействии сталкеров. Зная некоторые хитрости, добыть жизненно необходимые прекурсоры довольно просто. Наркотики – чаще всего вообще довольно простые соединения, и, зайдя в хозяйственный магазин, по пути от входа до кассы можно придумать несколько путей синтеза наиболее популярных веществ за копейки. Так, при прямых руках себестоимость грамма амфетамина составляет не больше 2–3 рублей.

Особую благодарность мы приносим ныне закрывшемуся водочному заводу «Тигода» в местечке Кирши в Ленобласти. В ноябре прошлого года Кирши чуть не превратился в Сайлент-Хилл, когда после очередного выброса на одном из местных предприятий город окутал густой туман и сероводородный запах, но уверяем: мы к этому не причастны. На самом деле, где-то за год до этого бывшие сотрудники лаборатории анализа вино-

водочной продукции сообщили, что мы можем забирать из руин все, что хотим, а учитывая, что винно-водочная промышленность исторически хорошо финансировалась, мы смогли пожить в числе прочего кучей химической посуды фирмы «Симакс», а также – «Эргон». Последняя, правда, актуальнее для специалистов лучше нас или понторезов, но тем не менее.

Именно этот эпизод завуалированно упоминал в интервью наш эстонский друг и коллега: *«Прива! Много хим-посуды под питером. Ну, в тот раз, что катались – тысяч на 200 спиздили, там одних холодильников штук 50 как минимум было, дохуя симакса увезли. Реактивов до жопы было, ртуту тоже очень много с градусников натекло, палочкой с лужей играл. Правда, ебанули несколько жутко дорогих стекляшек реакторных, каждая тысяч на 10, когда ночью на повороте за городом какую-то хуйню сбили и машину юзом повело, К. даже пришлось бульбулятор изо рта выпустить, иначе бы в кювет на 120 км улетели бы, еле из заноса вышли. На броне его кадиллака вмятину потом нашли, а на месте, где занос началась – след длинный, кровавый. Вероятно, это таки был олень, что символично. Кстати, слух, чем мона аденилатциклазу врубить посильнее?»*

Киршинская посуда оказалась хорошим подспорьем, однако мы возьмемся утверждать, что настоящих результатов «Орк-Тех» достигал не столько благодаря хорошему оборудованию, сколько вопреки ему, исключительно при помощи прямоты рук. Так, большинство препаратов шульгинского синтеза – это просто замена метоксильных групп на кольцо и перестановка галогенов, т. е. 8–9 класс школы, если бы в ней давались практические навыки. Плюс у Шульгина есть не то чтобы ошибки, но ограничения, затачивающие синтез под получение вещества в объемах исключительно для тестирования. Нам же по сути нужно две бутылки из-под шампанского, стакан, презерватив, чтобы пары не уходили, и 0,5 кг гидрохенона как основного исходника, чтобы получить минимум 400 г грубо сваренного ДОБа. Заметим, что, когда видишь на своем столе около 500 000 разовых доз, ДОБ, пусть и плохо очищенный, оказывает колоссальное антидепрессивное действие, находясь даже вне организма.

Если же не выебываться и делать то же самое красиво, нужен: холодильник прямой, холодильник обратный, насадка Вюрца и пара стаканов, плюс – обязательно – знание теории: почему годится или не годится та или иная форма посуды, как она влияет на объем и т. д.

Чтобы предугадать те или иные варианты процесса, нужно хорошо знать химию – лучше, чем для работы в лаборатории, где есть сферические идеальные условия и датчики. Легко быть лапой-отличницей в таких условиях, но по-настоящему интересно – по хардкору, на кухонном столе, импровизируя и отслеживая неочевидные реакции. Вот, например, в стылом подъезде, продуваемом всеми ветрами, стоит тазик с горячей водой, из нее что-то выкипает. Народ устал ждать и курит уже третью сигарету каждый. А что поделать? Возгонка хлороформа на кухне может закончиться газовой камерой для онейронавтов.

4. Как организован рабочий процесс: откуда вы берете информацию, материалы, как проводите тесты?

Dr. Caligari: Рабочий процесс у нас достаточно классический. В ряду случаев он начинается с патентного поиска, обзоров литературы. Большая часть патентов никогда не проверялась на практике, они защищены просто для того, чтобы кто-то получил диплом о высшем образовании, но и там можно найти некоторые интересные идеи. В нашем городе публичная библиотека – там даже в открытом доступе несметное количество годной литературы... Но чаще все-таки вещества придумываются «с нуля». То есть используются системы типа PASS для предсказания биологической активности, проводится прямой докинг по рецепторам с помощью специализированной платформы OSD Linux, тестирование токсичности, канцерогенности.

Для препаратов, чье тестирование окончено, или для спорных веществ определяем LD (летальная доза) и LD-50 (летальная доза в более чем 50 % случаев по выборке), плюс примерные пороговые дозировки из расчета в мг/кг. Заметим, что с большей долей вероятности, вводя больше LD-50, и выживают героиновые наркоманы. Так, если

летальная доза метадона для опиатного наркомана составляет порядка 200–250 мг, то для человека с улицы может хватить и 30. То же самое и с амфетамином: терапевтическая доза амфа колеблется от 15 до 30 мг, рекреационная же для матерых амфетаминщиков – 500–600 мг внутривенно. Больше – нельзя, так как сердце испытывает систолический или диастолический шок; перорально же можно принять до грамма, хотя мы слышали и про какие-то совсем уж сверхчеловеческие дозы.

Поучительно, что большая часть обращающихся к нам конфиденентов интересуется рекреационными свойствами веществ, но лично нам как ученым чаще всего интересны другие вещи – теоретические области зачастую настолько мрачные, что, казалось бы, человеческому сознанию там делать совершенно нечего. Однако юзеры не перестают нас удивлять. Филип Дик в свое время рассказывал то ли реальную историю, то ли городскую легенду, которая, по его мнению, кое-что объясняет про наркокультуру:

«В округе Марин, Калифорния, «Ангелы Ада» украли у военных боевое вещество, которое полностью дезориентирует противника. У человека просто вырубается центральное зрение – остается только боковое. Так вот, «Ангелы» продавали его направо и налево. Люди возвращались и брали еще».

Так вот, ставшая притчей во языцех серия «Bromo-DragonFLY» – полный агонист серотониновых рецепторов – синтезировалась исключительно для проверки того, как именно связывается рецептор; Паркер, синтезировавший вещество в конце 90-х, скорее всего, и думать не думал, что его когда-нибудь добровольно будет засовывать в себя живой человек. Агонист – это соединение, вызывающее выброс положительного иона при работе калий-натриевого насоса, антагонист – отрицательного, но и то и другое «связывает» рецептор – т. е. «выключает» определенную группу нейронов или зону мозга, которая с ним связана. Все три эти модификации ДОБа – и «flies», и «dragonflies», и «butterflies» – могут заставить психику диссоциироваться настолько сильно, что человек перестает отличать теплое от холодного. Рецептор не знает, на что реагировать. Что интересно, первое, что забывает психика, – как реагировать на свет, поэтому зрачки и расширены. Серотонинергическое восприятие мозга отключается полностью, наступает временный распад личности с последующими побочками.

Другой пример – активная до сих пор на черном рынке серия галюциногенов “n-bom”. Они создавались для того, чтобы проверить поведение крыс со связанными серотониновыми рецепторами; многие крысы не доживали до конца эксперимента. Я могу немного путать, но, насколько помню, n-bom находятся на рынке порядка двух лет. Первые упоминания в публикациях я видел 4 года назад, в лабораториях, вероятно, они появились еще на год раньше. Потом кто-то увидел формулы или почитал отчеты и запустил производство в коммерческих целях.

В отличие от препаратов Шульгинского синтеза, спорные препараты у нас проходят тесты на крысах. В зависимости от потребностей, крыс мы либо ловим, либо покупаем в зоомагазинах. Так, лабораторная мышь стоит порядка 100 р. Для конечного же результата необходимо именно тестирование на людях. Чтобы не поднимать споры о гуманности, тут я скажу только то, что желающих что-нибудь схавать в Петербурге хоть отбавляй. При этом мы выдерживаем строгое ограничение: от 18 лет, плюс проводим предварительное собеседование, чтобы хотя бы на глаз прикинуть адекватность участника эксперимента, узнать его состояние здоровья и предупредить о возможных последствиях. Но в конечном итоге какие-то производные bom я могу выдать кому угодно, так как они практически безопасны. Ну померзнут у человека руки, технически это не важно. Суровые же диссоциативы приходится проверять в основном на себе.

К сожалению, не всегда полученные результаты можно качественно обработать и интерпретировать. В группе тестеров того же Шульгина все-таки были друзья-психологи и более адекватная публика, чем та, с которой чаще всего приходится иметь дело нам: с 90-процентной вероятностью попадают либо желающие угореть посильнее, либо люди, решающие собственные экзистенциальные и психологические проблемы. У нас есть коллега, который употребляет синтетические каннабиноиды, исключительно чтобы прямо в процессе – если сохраняется способность к вербализации – оценивать фармакодинамику вещества, описывать биохимические реакции в своем мозге... Это – идеальный тестер, но таких, увы, очень немного.

Тем не менее, несмотря на все сложности, к настоящему моменту полностью закончена серия очень интересных неклассических опиатов, каппа-агонистов, проведены тесты новой группы рацетамных ноотропов (сильнее фенотропила), б-ме-фенилэтиламинов, пиперазинов... В основном активность у таких препаратов мультирецепторная, но чтобы не углубляться в нюансы, скажу, что нам удалось получить несколько конкурентоспособных аналогов существующих психоактивных веществ.

В настоящий момент есть несколько феноменов, требующих дальнейшего более детального исследования, но с учетом того, что проект не имеет никакой финансовой поддержки, времени на это не хватает. Поэтому заканчивается все это чаще всего примерно так: на майские мы высылаем на дачу группу тестеров, где они пробуют все, что мы сварили за долгую зиму. В 2014 году поездка, судя по всему, выдалась особенно лютой. Приведу цитату из репорта одного из этих товарищей.

“По дороге, прямо в электричке, мы все приняли диссоциатив сходный с метоксфенидином. Для нормального человека его доза составляет предположительно 70 мг., поэтому мы съели по 100 не подозревая о жесткости и, еще минут через 20, когда кому-то показалось, что «ну как-то тааааак» приняли еще по 70 мг. Следующие 40 минут происходил пиздец, который я при всем желании вряд ли смогу описать: какую-то подсказку, возможно, даст то, что у нас, судя по всему выключилось восприятие фигуры и фона, мы перестали мыслить гештальтами. В результате чего наблюдаемое пространство вагона напоминало жуткую мешанину из бабушек, лавочек, законных пейзажей, собственных пальцев, движений воздуха и стука колес, которые оказались туго утрамбованы во что-то вроде колбасы или слоеного пирога. На даче мы поняли, что у нас что-то произошло с цветовосприятием и, созерцая следующие несколько дней мир в серых красках, мы от безысходности в основном откуривались камнем”.

Другой сравнимый по силе воздействия случай не заставил себя долго ждать: еще один наш товарищ отважился пожарить макароны, перекрывшись синтетическим каннабиноидом 5F-PB22 – полным агонистом CB-рецепторов и одним из самых жестких веществ этой группы, которые на тот момент придумал человек. В какой-то момент его охватило непреодолимое желание приступить к *постройке сериала «Лесоповал»*. Макароны были бревнами на этом лесоповале, сам он – стал королем лесопилки. Осознав это, он сочинил песню, которая стала для присутствовавших в тот момент в квартире порталом на этот лесоповал, под которым жили медузы в розовых плащах, охраняя химическое оружие, спрятанное на дне лесоповала, которое пытались похитить бестелесные повстанцы... в общем, если верить репорту, поужинать в тот вечер им не довелось.

Ближе же к концу всех этих удивительных путешествий и превращений на мониторе одного из членов “Орк-теха” выросла амеба и прожила с ним то ли три, то ли четыре дня. К тому моменту он уже понял, что доигрался, хапнув продолжительное психическое расстройство, и надо как-то привыкать к жизни с амебой, постараться найти с ней общий язык, заключить пакт о ненападении... а потом ее просто не стало, и, по его словам, он до сих пор не знает, что нанесло ему большую травму – ведь амебу он, как оказалось, почти успел полюбить.

5. Как выглядит теневое химическое подполье в Петербурге/России/мире?

Dr. Caligari: Говоря про «теневое сообщество», с сожалением приходится констатировать, что оно вымирает. Рассматривать сборища хиппи и прочих маргиналов или людей, которые имеют крышу или другие возможности для того, чтобы варить амфетамин в промышленных масштабах по одной схеме с минимальными познаниями в химии, как представителей «теневого мира фармацевтики» я не хочу. Светлых умов становится меньше, веществ, изменяющих сознание, сегодня изобретено на порядок больше, чем может вместить человеческий опыт, какие-то же окончательные ответы на вопросы бытия лежат, скорее всего, вообще вне плоскости фармакологии, да и нет на самом деле никаких ответов.

Из питерских товарищей, близких нам по духу, я могу отметить еще парочку коллег: химика, с которым вас стоит познакомить (он уж вам расскажет про советский режим,

сайгон, взаправдашнюю науку, взаправдашнее КГБ и настоящую теневую жизнь), и нескольких других: физ. химика, психиатра, физика, микробиолога... имен называть не буду: люди не публичные.

Если говорить про Россию в целом – «Орк-тех» и все, что ему предшествовало, оставило на отечественной химической сцене достаточно яркий след. У нас есть коллеги в Москве, Мурманске, Нижнем Новгороде. По большей части все ведут теоретическую исследовательскую деятельность в гаражах или работают на базах институтов по системе взаимовыручки: синтез в одном городе, спектр снять могут в другом, биотесты провести в третьем... мы даже не особо шифруемся. Так что в каком-то смысле пока сохраняется сеть для апробации идей, объединяющая институты, однако с учетом повсеместного закрытия кафедр и лабораторий, скоро накроется и это – наш советский динозавр может подтвердить, что взятый государством курс на поощрение невежества даже в среднесрочной перспективе опаснее для науки любого ФСКН.

Та часть рынка, с которой нам довелось соприкоснуться, выглядит примерно так: на форуме в глубинном Интернете (а иногда и в обычном) указывается вещество, некоторые выкладки по нему, стоимость производства и адрес кошелька. Сейчас, когда анонимные переводы стали запрещены, схема немного усложнилась, но не суть. Здесь проводятся свои тендеры, свои аукционы и т. д. В итоге покупатель получает адрес «закладки»: например это может быть пластиковый зип-пакет (гриппер) с магнитом внутри, прилепленный к жестяному карнизу дома где-нибудь в Автово.

Мы уже давно не занимаемся этим, но насколько можем следить, курительные смеси заказывают от 3–4 г, стимуляторы и эйфоретики от 0,5 г до 1 кг. Розничная цена 1 г ДОБа по Питеру в среднем 16 000 р., ту-си-ай бом – 22 000 р. В реальности 1 г многих веществ может стоить копейки, но вы понимаете. При этом здесь требуется специфическое отношение к веществам: если совпадает химическое образование и коммерческая направленность, можно «прийти к успеху». Мы так не умеем, да и не хотим: слишком уж мы привыкли постоянно угорать по каким-то новым идеям, бросать что-то на полпути, подхватывать новое, использовать граненый стакан вместо химического, осушать вещества в коробке из-под соли, нагревать колбы в микроволновке и т. д.

Возможно, вас интересует сакраментальный вопрос «почему в России нет ЛСД»? Где-то, наверное, есть, но исчезающе мало... Причин тому – несколько. Во-первых, производство ЛСД, которое в реальности делается за границей, стоит в 2–3 раза дороже ДОБа, и импортировать его было бы дешевле, если бы рынок не был занят отечественными аналогами. Во-вторых, нужна все же лаборатория уровнем выше, например, нашей и человек с особенно прямыми руками – конечно же, такие есть и в России, однако парадокс состоит в том, что им просто неинтересно этим заниматься: те, кто ориентирован на коммерцию, будут варить что-то другое, потому что это дешевле, проще, а разница для массового юзера практически неотличима, те же, кому интересна научная компонента, – ЛСД, скажем так, просто переросли. Как практик я могу сказать, что вся эроглиновая серия – ЛСД-серия, – на мой вкус, действует слишком мягко и селективно, гораздо интереснее психику разбирает ДОБ или ДООИ-серия – быстро, жестко и с огоньком. ЛСД сегодня – это скорее миф, символ Золотого века 60-х, превратившийся в навязчивую идею о более элитном потреблении. Так что, конечно оно иногда просачивается из какой-нибудь Голландии или Бенгалии за большие или не очень деньги; возможно, кто-то варит и у нас, но лично я не вижу в этом никакого особого смысла, кроме культурологического.

Если вы считаете, что ЛСД – это какой-то философский камень и заберет вас в какие-то такие глубины, которые сокрыты от остальных веществ, то закажите себе лучше через какой-нибудь условный «Силк-Рoad» экстракт сальвии. Я помню, как один из наших тестеров как-то вырубил экстракт Х-20. Все, что он успел сказать после крепкой затяжки: *«пол смотрит исподлобья, и не нужно смеяться, потому что лицо танцует на бровях»*. А потом на этот самый пол рухнул солдатиком. Как он потом рассказал, он стал расческой, щетинками которой были присутствующие (в комнате был только я), и когда они дотрагивались друг до друга под неевклидовыми углами (не спрашивайте), возникали новые измерения, каждое из которых отличалось от другого, но главным

законом, связывающим этот мультиверсум по аналогии с нашей гравитацией, была *щекотка*.

Прикосновение к миру «спайсов» может показать вещи и посильнее, но стоят ли те миры того, чтобы добровольно в них приходить?

6. Какие вещества или группы веществ являются наиболее интересными и перспективными? Почему? Что может дать психоделический опыт с точки зрения расширения сознания, эволюции сознания и т. д.?

Dr. Caligari: Для простоты мы можем поделить интересные в контексте этого интервью вещества на две большие группы: условно физиологические и условно психологические. Под первыми мы имеем в виду вещества с низкой психоактивностью, под вторыми – с высокой.

Давайте задумаемся, почему синтетические каннабиноиды практически не выбрасываются на легальный рынок, когда это сильнейшие анальгетики, не вызывающие опиатной зависимости? Правильный ответ – они чудовищно психоактивны, т. е. могут изменить содержание сознания до такой степени, что субъективно это будет перекрывать их болеутоляющие эффекты. Поэтому одной из передовых задач современной фармакологии является создание СВ-агонистов, которые не будут психоактивными и смогут использоваться как анальгетики, спасающие от систематических болей типа фантомных, послеоперационных и т. д. 5HT_{2a}-агонисты – идеально корректируют внутриглазное давление, но также пока психоактивны и не могут пока использоваться для терапии глаукомы, поскольку когда монитор человека на три дня оккупирует зеленая амеба, эффективность лечения становится для него сомнительной. Обычно психоактивные эффекты обнаруживаются уже на стадии тестов на мышах и не идут в испытание на людях.

Однако психоактивные вещества можно и нужно рассматривать как инструмент исследования механизмов сознания: его эволюции, принципов работы... Никакой эзотерической компоненты в этом, на наш взгляд, нет: чистая химия, физика, нейронауки. Тем не менее, направление крайне перспективно с точки зрения психиатрии и терапии как фобий, психотравматических заболеваний, так и применения для изучения естественных галлюцинаторных расстройств типа шизофрении.

Если акцентировать внимание на психотерапии, то первое, что приходит в голову, – это эмпагогены (MDMA и MDMA-like effects). Супруга Шульгина описывала случай, когда человек, который панически боялся летать на самолете, после пары приемов MDMA вспомнил, как в младшей школе ему слегка придавило ноги обломком крыши и он не смог помочь другу, который умер раздавленный у него на глазах. Если не ошибаюсь, впоследствии этот человек боялся, что снова не сможет спасти окружающих в подобной ситуации, а тот кусок крыши то ли цветом, то ли формой ассоциировался у него с фюзеляжем самолета, который демонстрировался по телевизору в момент обрушения.

Также эмпагоген является хорошим методом в коррекции социализации (например, у военных, испытывающих ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство). Сюда же – хорошие гипнотики. Под действием подобных препаратов человеку можно как внушить какую-либо идею, так и провести один сеанс психоанализа, который сможет заменить десятки бесполезных посещений психоаналитика в «обыденном» состоянии сознания.

Говоря про организации, навскидку я могу вспомнить организацию MAPS из США, которая имеет лицензию на использование психогенных веществ в психотерапевтических целях. Таких организаций в мире несколько, плюс есть примерно сопоставимое число тех, кто использует те же методы коррекции неофициально.

Вообще, насколько можем судить, психоделический опыт, особенно вызванный серьезными препаратами типа ДОИ, триптаминов и т. д., делит людей на две противоположные группы.

Одни каким-то образом начинают понимать суть процесса: то, что вещество, проникшее через ГЭБ (гемато-энцефалический барьер), все-таки первично. Это условно рациональный, научный подход, где субъект исследует феноменологию, строит факторные модели, начинает комбинировать свойства вещества, особенности своей психофизиологии, информацию, содержащуюся в своем сознании, и то, откуда она там

появилась, и т. д. Такие люди при определенном опыте начинают немного по-другому смотреть на религии, искусство: сразу прикидывают в уме, какую именно травку художник заварил в чай или на какой вид кактуса наткнулся Моисей в пустыне.

Другие же, наоборот, «чувствуют вещества», но испытывают проблемы с т. н. «достаточным основанием». Для объяснения происходящего они начинают изобретать причудливые метафизические системы, начинают молиться Кришне с Буддой, самим веществам (мы видели человека, который строил сахарный кремль из прокапанных кубиков, как символический оплот власти над страной, но это немного другая история) или отправляются в желтые стены Скворцова-Степанова, если психика совсем слаба.

Тем не менее, мы хотим отметить ранние работы того же Рика Страссмана, связанные с исследованием свойств ДМТ, и некоторых других исследователей, утверждавших, что существуют некие практически неизученные области психики, примерно одинаковые у всех людей с точки зрения содержания того отклика, который они дают на прием диссоциативов. При их больших дозировках практически все – и мы не исключение – испытывают нуминозные переживания, имеющие сходную, если угодно, архетипическую структуру. Речь идет об опыте, который проще всего описывается в религиозных терминах. Это может быть связано как с культурной прошивкой, так и, глубже, с особенностями антропогенеза: возможно, религиозные переживания и, как следствие, отголоски иррациональных воззрений являются одним из обязательных и, как нам хочется думать, переходных этапов эволюции сознания.

7. Какие перспективы у теневой фармакологии вы видите в обозримом будущем; ее влияние на разные сферы жизни?

Dr. Caligari: С принятием новых законов как запрещенные будут рассматриваться даже «предположительно психоактивные препараты». После этого вся оставшаяся химия – в России как минимум – и особенно фармацевтика уйдет в подполье. Это нельзя назвать «белыми списками»; проще всего это сравнить с какими-то информационными материалами. Например, вы пишете текст – книгу, статью, слоган – и по запросу прокуратуры может быть назначена лингвистическая экспертиза, которая признает его экстремистским. Т. е. вам припишут злонамеренность, которую вы якобы попытались скрыть, но она все-таки была выявлена в ходе расследования. Однако насколько я знаю, вы не можете самостоятельно отнести свой текст на аналогичную экспертизу заранее, чтобы убедиться, не закрался ли в нее этот пресловутый экстремизм *случайно*, сохранится ли он, если вы поменяете местами два предложения и уберете восклицательный знак? Ситуация с химией довольно похожа.

Логика, по которой запрет налагается не столько на какое-то вещество, сколько некий принцип, меру близости, вроде бы понятна: с одной стороны, взяв каннабиноид X, я с помощью чашки кофе за 15 минут сделаю еще 20 штук, т. е. поменяю предложения местами, и никто никогда не успеет проверить их все и внести в «черный список». Создание же «белых списков», с другой стороны, полностью уничтожит всю химию. Однако промежуточное решение тоже бессмысленно, так как предлагает проводить разграничительную линию «разрешено/запрещено» поперек крайне сложных и многоаспектных явлений: это все равно что поделить на черное и белое градиент серого. В результате группы веществ, отличающиеся 1–2 заместителями, станут причислены к наркотикам. Забавно, что таковыми станет часть препаратов, например, от мигрени, которые произошли от того же диметилтриптомина. Я уж не говорю о том, что многие антидепрессанты являются результатом вивисекции над кетаминотом. При этом многие нелетальные вещества, создававшиеся в качестве оружия и работающие как сальвинорин 24/7, могут еще долго оставаться не запрещенными ни в какой степени, в то время как ряд производных диметилтриптамина не психоактивны, но по закону попадают под запрет.

Мы не можем однозначно ответить, как будет меняться законодательство в области регулирования веществ в мире в ближайшие десятилетия. С одной стороны, химия уже может по праву считаться новым языком, усложняющимся все сильнее и порождающим свои абстракции: бороться с ним в каком-то оруэлловском смысле будет все сложнее без нанесения ущерба остальным жизненным сферам людей. Отсюда и ряд крайне

либеральных предложений на тему декриминализации и легализации, вносимых сегодня в ООН. Как вы, наверное, знаете, все мы живем в тени Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г. и Венской конвенции по психотропным веществам 1971 г. Там указаны вещества, распределенные по степени опасности: галлюциногенности, аддиктивности; границы их использования в науке и медицине... однако в этих списках, вроде бы, до сих пор меньше 150 веществ, когда в реальности на сегодняшний день их десятки, если не сотни тысяч! ООН понимает, что силовой, запретительный метод решения проблемы будет только препятствовать исследованиям и увеличивать объемы черного рынка, плюс если запрос на психофармакологию в мире будет расти, то не лучше ли оседлать этот системный эффект для своих нужд, создания у людей новых потребностей и способов их удовлетворения?

Если тренд сохранится, то, скорее всего, в западных странах через несколько десятилетий будет разрешено все, но под контролем инстанций, состоящих больше из машин, чем из людей: ЛСД, как и остальное, можно легально купить в магазине, но в вашем доме всегда включены видеокамеры. Нравится вам такое будущее или нет, решайте сами.

Если смотреть на мощные психоделики и диссоциативы шире, то нет и никогда не будет ответа, благо они или зло, так же как нельзя ответить на вопрос, благо или зло для нас собственная разумность, субъектность, сознание... Эти вещества в пределе показывают нам те эволюционные пороги, за которые не выйти в рамках индивидуальной жизни и которые имеют очертания экзистенциальных переживаний, – это горькая мудрость, очень горькая. Кроме того, переживание под ними деконвенциализации ведет к временному разрушению представлений о ценности иерархий, общественных институтов, властных отношений и т. д. – это красиво и утопично, но вся трагедия нашего положения состоит в том, что мы – приматы и не сможем удовлетворять даже самые базовые свои потребности вне этих структур: по крайней мере, не в этом поколении и не всем обществом сразу. Мир, в котором все люди принимают сильные психоделики и диссоциативы, – это одновременно и антиутопия и утопия. Антиутопия – потому что человечество в нем вымерло. Утопия – потому что этого не случится: при легализации и даже пропаганде у большинства людей не будет повода принимать эти вещества. По крайней мере – второй раз. Но всегда будет авангард, который будет опережать время, создавать что-то новое и неизбежно приносить себя в жертву эволюции.

Вопрос, куда движется цивилизация естественным образом – в сторону большего коллективизма или индивидуализма, – не имеет смысла: она движется в обе стороны одновременно. Здесь сложно подобрать хорошую структурную метафору, но психика будет усложняться и фрагментироваться таким образом, что какие-то переживания собственного сознания будут действительно иметь очертания всеобщности, всеединства, какие-то – станут куда более изолированными, чем сейчас... только не спрашивайте, есть ли во всем этом какой-нибудь наблюдатель: здесь правда нечего понимать, да и нечем.

Автор: Insect Buddha